

ТРИСТА ПЯТЬДЕСЯТ!

Выставка «Пётр I и его эпоха»

"Его глаза сияют. Лик его укасен.
Движенья быстры. Он прекрасен".
Александр Пушкин. "Полтава"

ПЁТР ВЕЛИКИЙ уникален уже тем, что его слава, начавшись при жизни, вообще не претерпела никаких "изъятий" и нюансов, — этим вполне похвалиться с десятком монархов за всю историю человечества. Родство с Петром позволило его развесёлой вдове, Марте Скавронской, носить корону целых два года, пока безудержное пьянство не уложило царицу гроб. Анна Иоанновна рассматривалась как важнейшая кандидатура лишь по причине того, что была племянницей Петра, а его дочь Елизавета оказалась мила той знакомой статье, ликом, блестящими очами — плоть от плоти государя-императора. Вопрос-лозунг: "Ребята, вы знаете, чья я дочь?" прозвучал в момент, когда решались судьбы родины. О династической легитимности никто не думал: ценилась близость к Петру и горячая кровь его.

"Птенцы гнезда Петрова", его соратники, друзья, ещё долго вызывали содрогание и зависть. Александра Меншикова со всей фамилией упрятали в Рёзёвс ещё и потому, что он имел сил более, чем Голицыны и Долгоруки. Это эпоха, развернувшая Московию к цивилизации, чтоб за четверть века Россия сделала одной из ведущих держав Европы. Все правители так или иначе оглядывались на Петра, и остроумная Екатерина повелела сделать надпись на гранитном пьедестале памятника: "Petro pinto — Catharina secunda", подчёркивая не столько очерёдность, сколько "вторичность" собственных дерзаний. Вольтер, этот борец против тираний любого рода, меж тем писал: "Жизнь царя, последовавшая вслед за этим, являла собой не что иное, как череду его великих замыслов, трудов и свершений, кои, казалось, изгладили крайние проявления его суровости, каковая до этого, быть может, и была необходимо нужной, — и добавил, — Сегодня русские уже не удивляются своим успехам". Всё, что имеем; всё, чего боятся бритты и галлы, — родом из указов 1700-х годов".

Николай I — инженер на русском престоле — держал бюст Петра в кабинете и, подобно пращурцу, стремился быть "вечным работником", как называл Петра его поклонник Александр Пушкин. Собственно, Пушкин и призывал Николая быть, как Пётр: "Семейным сродством будь же горд; / Во всём будь пращурцу подобен: / Как он, неутомим и твёрд, / И памятью, как он, незлобен". Реформы Александра II прошли с оглядкой на Петра — именно в 1860-х–1870-х годах было издано рекордное число книг, брошюр и журнальных публикаций о делах петровых. Те наши государи, что не любили "державного плотника" за иско-

речение дедовских традиций, всё же отдавали должное его энергии, трудолюбности, самопожертвованию.

Своего апогея культ Петра достиг при советской власти. Казалось бы, это невозможно — чествовать царя-крепостника и унетателя в пролетарском государстве. Тем не менее Иосиф Сталин поклонялся монарху, как своему предшественнику. Большевицкий "граф" Алексей Толстой создавал исторический роман, а на "Ленфильме" ставилась пышная кинолента. Пётр воспринимался как "свой" и справедливый монарх, если раз герой водеvilных комедий вроде "Табачного капитана" или "Сказа о том, как царь Пётр арапа женил". Царя то обеляли до святости, то романтизировали, как в "Юности Петра", являя образ волчка, становящегося повелителем евразийского мира. Горбачёвско-елцинские перестройки — и те не обошлись без аппелирования к Петру, а монструозный памятник Зураба Церетели — напоминание о тех смутных летах.

В ЭТОМ ГОДУ мы отмечаем 350-летие Петра Великого, и поэтому в выставочном зале Федеральных архивов открылась выставка, посвящённая царю, его свершениям и будням. В центре внимания — документы, карты, письма, рисунки, хотя есть и предметы быта, и даже кафтан конца XVII века. Нас встречает портрет Его Величества в овальной раме. Неизвестный художник не лстыл заказчику, но и не пытался явить его чудовищем. Вероятно, Пётр и был таким — некрасивым, но овораживающим. На экспозиционных стендах — начало начал: запись о рождении 30 мая и крещении 29 июня царевича Петра Алексеевича. Сколь затейлива та московитская каллиграфия, напоминающая вяз! Царь-корабел упразднит её своим жёстким и нервным росчерком, а пока — шутдим. Мы видим детские тетради юного Петруши, следом — его записные книжки.

В XVII–XVIII веках образованные люди очень много писали — вся их непростая, хлопотливая жизнь излагалась на бумаге и скреплялась сургучом. Неслучайно так популярен был жанр эпистолярного романа. Царёв почерк — под стать характеру, и не надо быть графологом, дабы понять: природа страстная, взрывная, жестокая и — открытая. Корявые, но изумительно прямые строки, буквы-клинья, превращающиеся в волшебных птиц; неразумно щедрое использование страниц — широкие поля, громадные отступы. Пётр не обладал ни хитростью, ни коварством — рубил сразу. Потом бывало и жалел. Но что делать? Он летел, не разбирая пути; само время от него отставало.

Вот государева переписка с дражайшей сестрицей Натальей Алексеевной, которую Пётр ценил едва ли не больше иных родственников. Это повелось с той поры, когда они — дети Нарышкиной — были

противопоставлены Софье — дочери Милославской. Вражда кланов сплотила Петра с Наташей, а острый ум царевны, её тяга к новациям и европейским штукам ещё больше скрепили ту верную дружбу. Наталья была одной из первых женщин на Руси, примеривших корсет, пышную юбку на фижмах и французский головной убор а-ля фонтанж.

К слову об одежде: Пётр придавал ей чрезмерное значение, будто бы зная теорию о том, что изменение антуража влечёт за собой внутренние метаморфозы, и переодетый "на французский лад" боярин уж не будет степенным мужем, но превратится в ловкого вельможу-коммифо. Забавная и типичная гравюра 1700-х годов: нелепо узнать государя и его жену, Марту Скавронскую, бывшую пращурку, волею судеб вознесённую на Олимп.

Царственная чета представлена в наизюмнейших платьях, в духе журнала "Mercure Galant", где, помимо всего прочего, печатались актуальные силуэты. В повседневности царь не терпел ни парика, ни версальских покровов, предпочитая куртку голландского корабеля, а его жена простила "кружева на фонтанжи", о чём повествует их жаркая переписка.

Вехи и семимиллиные шаги! Собственноручный рисунок Петра с изображением трёхполосного флага и указанием цветов. Тот же сбивчиво-торопливый почерк и кривое полотнище — некогда вырисовывать. Всё делается на ходу — по пути в светлое будущее. Указ о праздновании Нового года 1 января, который был чем-то вроде запрета на бороды, ибо Русь отмечала этот день в сентябре. Кстати, и Сталин вернул "ёлочное" торжество в подражание Петру, когда началось возрождение имперских замыслов.

Письмо Петра о пребывании в парижском Пале-Рояле — резиденции регента Филиппа Орлеанского, друга России и сторонника сближения наших стран. Задумывался матриониальный союз маленького Луи XV и крохотной Лизаньки, но не сложилось: подросший король женился на другой

славянке — Марысе Лещинской, а Елизавета самовластно руководила батюшкиными "угодьями". Гравюра, посвящённая Полтавской битавии, — по тогдашним правилам фигура монарха-полководца дана крупнее остальных. Полтава — русская виктория и личная виктория Петра. Исключительный ранжет — текст Ништадтского договора между Россией и Швецией о вечном мире. После этого народ-викинг отучился воевать и устремился к противоположной ценности, именуемой lagom — самодостаточность и порядок. Вот здесь можно увидеть образец "нормального" почерка Галантного века и сравнить с царёвыми чудо-каракулями.

Учебники по фортификации, кораблестроению, математике — сначала голландские, а потом уже русские. Пётр и его "птенцы" быстро перенимали науку и на одном из стендов мы наблюдаем типы военных судов, построенных в кратчайшие сроки, "...когда Россия молодая, / В бореньях силы напрягая, / Мужала с гением Петра". Отсталых бют, как скажет много позже товарищ Сталин, проводя индустриализацию петровскими темпами.

Царь не выносил стрелечно-боярскую Москву, а она отвечала ему тем же, поэтому надобно было ставить точку на карте и давать миру новый град, чьи виды теперь явлены на изысканных гравюрах. Среде болот и под сырым небом рос Петербург, обвораживая иноземцев, лстыиво называвших его Северной Венецией. Мистический, страшный Питер двукл — он зачастую порождает фантазмагорию, безумную поэзию, морок. Пушкин, любя свой "берег Невы", написал "Медного всадника", показав трепет перед этим загадочным городом. Один из интереснейших экспонатов — проект прижизненного памятника царю, выполненный в подражание конной статуе Людовика-Солнце. Автором был Бартоломео Карло Растрелли, старший в роду, отец Франческо. Итальянцы мужественно поселились в сумрачно-комариной столице и подарили ей часть южного солнца.

Отдельным пунктом хочется похвалить цветное оформление экспозиции: она выполнена в красно-сине-белой гамме, в стилистике флага. Вместе с тем, эта выставка — для искушённого гостя, знающего о Петре и его современниках чуть больше, нежели среднестатистический гражданин, посмотревший в детстве "Юность Петра" и заучивший отрывок из "Полтавы" к уроку литературы. Кому-то листки и рисунки покажутся скучноватыми, но это специфика места. Архивы — особенная арт-площадка, и от них сложно требовать креативных решений, к которым мы привыкли в Музее Москвы или в комплексе Царицыно. Однако для натур вдумчивых и начитанных тут раздолье и мириады смыслов. Ах, Пётр прекрасен и укасен!

Галина ИВАНКИНА

ЧИСТЫЙ ЖЕМЧУГ

К 150-летию Леонида Собинова

НАЧАЛО XX ВЕКА в России озарило небосклон мирового искусства ярким фейерверком откровений и имён. Российские художники — декораторы сцены одновременно блистали на персональных выставках и основывали золотой фонд Серебряного века России. Русские композиторы открыли миру глубины русской культуры, истории и фольклора. Русские режиссёры совершали истинные чудеса сценических представлений. А русские артисты оперной сцены творили новые образы, поражая Россию и Европу иными подходами и оригинальной трактовкой своих ролей не только в новых русских операх, но и в хорошо знакомых, даже и прискучивших, европейских операх.

150 лет тому назад скользял в волны музыкальной гармонии нескладный лебедёнок, обещавший скоро превратиться в белого лебедя, — 7 июня 1872 года в городе Ярославле на берегу Волги родился тот, чьи сценические и вокальные находки до сих пор определяют характер классических партий теноров. Созданные им образы: Ленского, Орфея, князя Синалдола, Фра-Дьяволо, Альфреда, Лознтрина, многих других, — сохранены для нас в аудио и фотодокументах, в восторженных воспоминаниях современников. Но главное — что они до сих пор живут в исполнении современных нам артистов оперы.

Мы говорим о легендарном теноре Леониде Витальевиче Собинове.

Всю жизнь рука об руку с Собиновым шёл оплустительный успех. Попробуем передать впечатления от его голоса. Русские, французские, итальянские, немецкие газеты писали о нём:

"Природная красота тембра свежего молодого голоса, его звучность и мягкость, свободное владение кантиленой, выровненность регистров выгодно сочетаются с простой, естественной фразировкой, отчётливой благородной дикийей".

"Голос его помнят все, что когда-либо его слышал... Дикция его ясна, как кристалл, — "точно сыплется жемчуг на серебряное блюдо".

"Это голос — золотой, с металлическим блеском, выразительный и в то же время свободно льющийся, богатый звуком и подкупающей прелестью".

"Это певец, подходящий к жанру данной музыки, которую он исполняет с тонкой модуляцией, с точностью передачи согласно чистейшим традициям оперного искусства".

"О тонком художественном исполнении и говорить нечего: это был настоящий чистый жемчуг вокального искусства".

Парефразируя известное высказывание: с колен России в сверкающий зенит высокой мировой музыки царственным белым лебедем величаво поднялся юный певец и позвал ввысь за собой миллионы почитателей его таланта.

Сколь верным и естественным оказалось понимание Собиновым замысла композиторов, сколь тщательно прорабатывал он всё: тончайшие оттенки голоса, паузы, ритмичность музыкального рисунка, характер, чувства и логику поведения своих героев, их костюмы! Мы сегодня не задумываемся, как должен выглядеть Ленский в "Евгении Онегине", мы это знаем точно. Но знакомый образ скрупулёзно и в мельчайших деталях был создан Леонидом Собиновым в тяжелейших противостояниях с традициями и дирекцией Большого театра. Подводя итоги десятилетней творческой деятельности Собинова, музыкальный критик журнала "Русский артист" писал: "Он рос с каждым днём, совершенствовался, приобретая всё новые обаятельные черты в голосе и сценической игре, с каждым днём всё глубже вдумывался в характер изображаемых им типов и всё это синтезировал в последние годы. Его проникающий в глубины души, ласкающий голос креп и развивался быстрым темпом. Собинов — певец высшей культуры, певец, ясно понимающий задачи искусства, человек с полным и определённым художественным мироощущением, сознательный и вдумчивый. Собинов провозвестник новой эпохи — эпохи высокого и осмысленного взгляда на оперное искусство".

Талант и труд. Если выделить основную черту характера Собинова, то это будет тщательность в любой работе. Одарённый во всём: от латыни и истории до юриспруденции, от стихосложения до оперного пения, во всём Леонид Витальевич всегда старался добиваться совершенства.

Это ему даже мешало. Он получил только серебряную медаль в гимназии из-за размовки с директором по поводу редкого грамматического исключения в латыни. Директор был вынужден признать правоту Леонида, но исключил того из списков золотых медалистов... Увы.

Всюду и везде Леонид Собинов был лучшим учеником и крупным отличником. Ну кто ещё из оперных певцов мог похвастать тем, что имеет юридическое образование Московского университета и работает в группе самого известного адвоката России Фёдора Плевако, не проиграл ни одного порученного ему дела! Но при этом ещё и является солистом Большого театра, которому дирекция в виде исключения разрешила совмещать несоместимое: адвокатуру и ведущие оперные партии! Два года такой напряжённой работы определили выбор Собинова. Он избрал театр.

В СОБИНОВЕ, поющем песнь лебединой любви и верности на оперных сценах мира, органично слились лучшие человеческие качества: личности и таланта.

"Стиль его искусства был так благороден потому, что был благороден он сам". — Это слова К.И. Чуковского. Вот маленький пример. Однажды Шаляпин, добираясь в гости прямо из театра, нагнал возчика. Шаляпин не переоделся, надел шубу поверх костюма Мефистофеля. Когда они прибыли на место, Шаляпин обнаружил, что забыл в театре кошелек. Тогда он поднялся на пролётку во весь свой богатырский рост, взвел руки, сбросил шубу, и захохотал смехом Мефистофеля! Возчик в ужасе удрал своим голому, забыв о плате за провоз. Этот анекдот позавалил всех гостей, но только не Собинова. Потихоньку он отвёл Шаляпина в уголкок и стал спокойно внашать шалуна, что тому следует извиниться перед несправедливо обиженным возчиком, вернуть деньги и заплатить вон билетом в театр. Он убеждал своего постоянного партнёра по сцене, что обидеть маленького человека — невеликая доблесть. Шаляпин оробев, согласно кивал. Так и было исполнено. Собинов проследил за этим.

Собинов не имел иных источников дохода, кроме пенсии. Да, Леонид Витальевич был вторым артистом в России после Фёдора Шаляпина по величине гонораров. Имя Собинова гремело по всему миру, и билетов на его выступления было не достать.

Но давайте рассмотрим, куда уходили заработанные деньги. На прихоти? А вот и нет! Львиною долю заработков Собинов прямо и косвенно жертвовал на благотворительность. По существующему тогда положению артист императорских театров имел право ежегодно выступить в двух концертах на любой эстраде. Огромные по тем порам гонорары иные артисты оставляли себе. Но не Собинов. Он неизменно один из концертов давал в пользу московских студентов, другой в пользу Медведниковской гимназии, где учились его дети. Кроме того, он давал благотворительные концерты в пользу тех или иных групп людей или даже стран, в которых происходило несчастье. В собиновских благотворительных концертах принимали участие такие мастера, как С.В. Рахманинов, А.В. Нежданова, В.И. Качалов, А.А. Яблочкина, С.И. Мигай, писательница Т. Шепкина-Куперник и другие.

Но часто красота человеческих качеств одного вызывает раздражение в другом... А как иначе расценить цвететнические нападкы в печати писателя Леонида Андреева на Собинова?

"Мяко журчащие речи о гуманности, божественные голоса г. Собиновых, сладкие звуки песен и молитв исчезли бы для него в отчаянном вопле насилуемых, голых, избиваемых..."

А как простить строки Маяковского из стихотворения "Сергею Есенину":

Ваше имя
в платочки расщеплено,
ваше слово
слоняется Собинов
и выводит
под берёзкой дохлой —
"Ни слова,
о дру-уг мой,
ни вздо-о-о-о-ха".
Эх,
поговорить бы иначе
с этим самым
Леонидом Лознтриным!

При этом невозможно сосчитать, обучение и содержание скольких десятков студентов и гимназистов (в том числе лично Леонида Андреева в бытность последнего студентом) происходило за счёт великого сердцем певца. Осуждали Собинова всего двое. Зато остальная Россия — обожала!

"Мы, студенты, его боготворили, — рассказывает Н.А. Семашко (известный врач

и общественный деятель). — Любили мы его по двум причинам: во-первых, конечно, за его несравненный голос. Во-вторых, мы любили его за то, что он никогда не отказывался петь в пользу студентов... Собинов не выходил с таких вечеров. Мы его выносили на руках и торжественно водружали на пролётку лихача..."

Бесконечны потоки благодарственных писем:

"Комитет Общества для пособия нуждающимся литераторам и учёным приносит Вам глубокую благодарность за Ваше любезное участие в опере "Лознтрин" 13 февраля в Мариинском театре..." (сбор с этого спектакля пошёл на нужды Общества).

"Правление Секции гигиены воспитания и образования при Нижегородском отделе Русского общества охранения народного здоровья... выражает глубокую благодарность за отзывчивость на нужды секции".

"Мы приветствуем сегодня не только талант художника, мы кланяемся гению доброго сердца, чутко откликается оно на каждое горе, на всякую нужду и особенно ему близки печали нашей многострадальной учащейся молодёжи..." — писалось в адресе Комитета нуждающимся студентам.

Слова признательности от артистов императорского Большого театра, от слушателей и Совета педагогических курсов, от Комиссии для организации товарищеской помощи присяжным поверенным и их помощникам, призываемым на русско-японскую войну, и их семьям, от Московского общества взаимного вспоможения оркестровых музыкантов...

Благодарность от чистого сердца чисто-му сердцем певцу!

К.И. Чуковский обобщает: "Щедрость его была легендарной. Киевской школе слепых он прислал однажды в подарок рояль, как другие присылают цветы или коробку конфет. Кассе взаимопомощи московских студентов он дал своими концертами 45 тысяч рублей золотом. Раздавал он весело, радушно, приветливо, и это гармонировало со всей его творческой личностью: он не был великим артистом, приносившим столько счастья любому из нас, если бы ему не было свойственно такое щедрое благожелательство к людям. Здесь ощущалось то будущее через край жизнерадостно, каким было насыщено всё его творчество.

Никакими ухищрениями артистической техники не мог бы он выработать в себе такого обаятельно-задушевного голоса, если бы этой задушевности не было у него самого. В созданного им Ленского верили, потому что он и сам был такой: бес-печный, любящий, простодушный, доверчивый. Оттого-то стоило ему появиться на сцене и произнести первую музыкальную фразу, как зрители тотчас ему влюблялись в него — не только в его игру, в его голос, но в него самого".

А скольких этот добрый человек вывел в люди! Несколько примеров.

Певец А.В. Богданович, знаменитая исполнительница русских песен Надежда Глывицкая, возведённая Собиновым в самых низов к всероссийской известности. Какой крик подняли тогда газеты! "Недопустимы совместные выступления артистов императорских театров и кафешантанной певильи!" Но Собинов был твёрд. "Искусство свободно, и все его представители — артисты, где бы они ни служили, равны между собою", — заявлял он громко.

"Я никогда не забуду, — это уже дирижёр Эмиль Купер Собинову, — как много я обязан тебе в моём культурно-художественном образовании, как и не могу забыть твоей необычайно деликатной и трогательной поддержки, оказанной мне в начале моей карьеры. Близость с тобой — одним из культурнейших и выдающихся артистов России — и частое сотрудничество были для меня необычайно важны в моём моральном развитии, а постоянное общение влияло на общий уровень моего образования".

Собинов содействовал и открытию Театра музыкальной драмы. "Вы... не только не приняли участия в дискредитировании нового, но помогли ему и деньгами, и личным участием в его работе. Нужно было быть или героем, или человеком большой культуры, чтобы во имя идеи, наперекор своим интересам, поддержать дело..." — вот так пишет Собинову главный режиссёр театра Ляцкий.

ЭГОИЗМА СОБИНОВ не принимал органически. Постыдного самолюбования, свойственного подавляющему числу современных деятелей культуры, у Собинова не было ни капли... Наоборот, критичное и чуть насмешливое отношение к самому себе помогало Леониду Витальевичу и в творчестве, и в жизни.

«ОН ВЕСЬ, КАК БОЖИЯ ГРОЗА...»

Великий император в поэзии

ПУШКИН ЧАСТО обращался к нему — неистовому российскому царю, столь круто поменявшему реальность; вот он в "Полтаве" — живой, как плазма, крепкий, как кленовый свиль, щедры к победителям:

Пурует Пётр. И горд, и ясен,
И славы полон взор его.
И царский пир его прекрасен.
При кликах войска своего...

А вот он — навечно связанный с городом, созданным им, точно вместились нетленной своею сущью в грандиозный памятник, — преследует с громким звоном медных копыт бедного, скорбного главой Евгения...

Из камня высеченный стих Батюшкова резок и зол:

Не странен ли судеб устав!
Певцы Петра — несчастные жертвы:
Наши Пиндар кончили жизнь,
поэмы не скончав,
Другие живы все, но их поэмы мертвы!

Пётр-персонаж, Пётр — данный через поэтическое видение, Пётр, неумолимо влекущий к себе поэтов: слишком обширен жизненный материал.

А вот — жёсткий приговор Цветаевой, данный через рябиной горящий неистовый ритм:

Вся жизнь твоя — в едином крике:
— На дедов — за сынов!
Нет, Государь Распроевский,
Распорядитель снов,
Не на своих сынов работал, —
Бесам на торжество! —
Царь-Плотник, не стирая пота
С обличья своего.

Но и форма ниспровержения громоздка: раз Распроевский!...

Мистика Блока туманна и, вспоминается статья Д. Андреева о нём — поэте-вестнике, прозревавшем другие реальности:

Он спит, пока закят румян,
И сонно розовеет латы.
И с тихим свистом сквозя туман
Глядит Змей, копытом сжатый.

Памятник велик: он таинственен, он... отчасти туманен, он влечёт, как и сам образ, точно оставшийся вечным символом в монументе.

Неприязненный стих дал и А. Тарковский: выверенный и точный:

У, буркалы Петровы,
Навыкате белки!
Холстинине холстыны.
Сынки мои, сынки!

Пётр-казнящий: как было, и стихотворение наименовано "Петровы казни".

Совершенно восторженно — на волнах классицизма — пел образ царя Ломоносов:

Отца отечества, Великого Петра
Положены труды для общего добра:
Ужасны врагам полки вооружены
И флотами моря велики покровенны...

Песня звенела веками, и высокие её знамёна взвивались в дали небес. Обширный, с ювелирно выделанными строками стих Петра играет разными красками, и так звонок и гулок, будто отражается в веках:

В безжалостной жадности
к существованью,
За каждым ничтожеством,
каждою равню
Летит его тень по ночным зорам.
И каждый гудит металлический мускул
Как колокол. И, зеленющей тускло,
Влачится классический плащ
по следам.

Могущество Петра, образ человека, вздыбившего огромно-сонную византийскую страну разлетается множеством поэтических озарений: они вспыхивают, трепещут и проликая, составляя и живописуя, и — суммарно — составляют интересный остров в океане русской поэзии.

Александр БАЛТИН